

4 МАЯ 1987

ПИШУ ТЕБЕ,
«КОМСОМОЛКА»!

Облегченный вариант

*Зрителю привыкли — в театр
приходит повеселиться.
Спрашивают меня: «Ты
же кого в Москве учишь?»
А когда стелбало, то
на режиссера, говорят:
«Это несерьезно для
мужчины».*

Меня, посланца от республи- ки, четверокурсника режис- серского факультета ГИТИСа, попросили досрочно сдать эк- замены и вылететь в Душанбе: ждая театр! Я знал, что буду работать в Курган-Тюбинском областном театре музыкаль- ной комедии, играющем на таджикском. Хорошей националь- ной пьесы найти не уда- лось, и я взял сказку Гоцци «Ворон». Собрал труппу и на- чал читать пьесу. Заметил, что актеры не слушают. Спраши- ваю: «В чем дело?» В ответ: «Нашему народу комедию по- давай, на Гоцци не пойдут». Я говорю, что так воспитали зрителей, и если мы хорошо поставим и сыграем, зритель обязательно пойдет. «Посмот- рим, — с улыбкой отвечают. — Ты выйди за двери театра, остано- ви любого прохожего и спроси: «Где находится област- ный театр?», а когда никто не ответит, все сам поймешь. Можешь пойти в любую обла- стную руководящую инстан- цию, там даже не знают, какой у нас репертуар. Когда игра- ешь несколько лет при пу- стом зале, равнодушие охва- тывает...»

Скоро я убедился, что все так. Что удивляться отсут- ствию интереса у жителей об- ласти к новому спектаклю, ес- ли это не очень интересно да- же Министерству культуры. 19 ноября на 11 часов была назначена сдача спектакля. Двенадцать, половина перво- го — никого нет. И до сих пор никакая комиссия спектакля не видела. А сдали мы «Воро- на» с большими техническими недоделками.

По традиции в репертуаре каждого театра должна быть национальная пьеса.

Недавно мне досталась та- кая пьеса. Сцена изображает большое хлопковое поле. Вы- ходит Заррина, радостно сме- ется. Музыка. Заррина поет о том, как хорошо быть хлопко- робом и рано вставать. Она гордится, что она дочь хлоп- короба и что страна ждет ее хлопок, и она не подведет. На- до было закрыть пьесу и даль- ше не читать, но дочитать я был обязан. А дальше еще хуже. В бригаде, где работает Заррина, одни молодые, они любят театр и потому во вре- мя обеда и после работы ре- петируют пьесы, написанные ими самими. В спектакле ребя- та разоблачают равнодушие и бюрократизм председателя колхоза. А председатель го- ворит, что очень рад за ребят, что это в духе времени, а Зар- рина хорошая девушка, и он вручает ей судьбу идеологиче- ской работы в колхозе. В кон- це пьесы все становится на свои места: плохой становится хорошим, ревнивый — нерев- нимым, все смеются, радуют- ся, поют, как им хорошо.

Прочитав пьесу, я побежал в Министерство культуры и сказал, что такое ставить нель- зя. И хлопок такие люди не собирают! Мне ответили: «На- до!» Зашел в другой кабинет. Меня выслушали и ответили: «С драматургом нужно рабо- тать. Ведь Станиславский сде- лал драматургом Чехова. Так и вы воспитывайте. И вообще надо за каждым драматургом закрепить по режиссеру, и, ес- ли плохо пишет драматург, от- вечать должен режиссер».

От этой пьесы я категори- чески отказался, но ее все равно в нашем театре репе- тируют. А я собирался делать «Трех сестер», но в любой момент меня могут остано- вить, ведь «Три сестры» — не комедия и тем более не музыкальная. Почему-то боль- шинство национальных театров в республике музыкально-ко- медийного жанра. Все дается в каком-то облегченном вари- анте с танцами и песнями. Мы сами приучаем зрителей таки- ми пьесами не уважать театр. Зрители привыкли — в театр приходя» повеселиться. Спра- шивают меня: «Ты на кого в Москве учишься?», а когда от- вечаяю, что на режиссера, гово- рят: «Это несерьезно для мужчины. Шел бы ты лучше лимоны выращивать».

Б. АБДУРАЗАКОВ.
Душанбе.